

Стоило этим двоим явиться, как Вань Ань с Вань Туном изменились в лицах.

Вань Тун первым опомнился и холодно произнес:

— Старейшина Тан столь грозен, но кто здесь еще вынашивает коварные планы? Эти письма сам Его Величество велел Кабинету Министров передать! Я лишь выполняю приказ, а ты смеешь заявлять, что я вынашиваю коварные планы?! Моя позолоченная сабля не пощадит предателей и мятежников!

С этими словами он со звоном вытащил из ножен саблю!

Вторя своему командиру, Императорская Стража тоже обнажила сабли. Вдруг повеяло холодом, в воздухе повисло напряжение. Члены Кабинета занимали высшие должности при Дворе и принимали решения, от которых зависела судьба всей империи, так что с подобным сталкивались впервые. Их лица исказились. Было бы ложью сказать, что сердца их не объяла тревога.

Стоит отметить, что Лю Цзи не был неоперившимся птенцом, что поставил свою подпись на прошение по глупости. По большей части причина заключалась именно в том, что его подвергли столь устрашающему давлению.

А во-вторых, глубоко в сердце он еще продолжал колебаться, так что под воздействием внешних сил предпочел действовать так, как подсказывала ему интуиция.

На отказавшегося подписать документ Сюй Пу тоже оказывали сильное давление, к тому же он абсолютно не умел спорить. Если бы Тан Фань с Лю Цзянем не прибыли, того бы, скорее всего, тоже вынудили поставить свою подпись.

А потому, стоило Сюй Пу увидеть этих двоих, как он тотчас вздохнул с облегчением.

Даже перед лицом властного и грозного Вань Туна Тан Фань оставался непоколебимо спокоен:

— Это закрытая территория. Доступ посторонним должностным лицам сюда закрыт. Нарушение строго карается. Или командующий Вань не смог прочитать слов над воротами?

— И что теперь? – усмехнулся Вань Тун. – Я здесь по императорскому приказу! Кто смеет меня останавливать?!

— С седьмого года правления императора Чжэнтун павильон Вэньюань – это место, где проходят заседания Кабинета Министров, – равнодушно бросил Тан Фань. – Даже Его Величество должен предупреждать о своем прибытии. Кто или что заставило тебя поверить в то, что ты выше Сына Неба?

— Тан Фань, хватит пороть чушь! – рассвирепел Вань Тун. – Я прибыл сюда с разрешения Его Величества!

— Ты получил разрешение Его Величества, но получили ли его твои подчиненные? – строго спросил Тан Фань. – Только не говори, что ты не знал этого правила! Почему позволил им войти?!

С тех пор как сестра Вань Туна стала благородной наложницей, никто не смел повышать на него голос.

Он на мгновение растерялся, позеленел, после чего его лицо налилось кровью, а рука сжала рукоять сабли, будто он собирался поднять ее и ударить Тан Фаня.

Однако если ударить Тан Фаня саблей, ничем хорошим это не кончится. В том числе, если тот выживет. Даже сестра не сможет спасти Вань Туна, если тот нападет на министра в павильоне Вэньюань.

— Я бы хотел сказать... – видя, что ситуация накаляется, поспешил вставить свое слово Вань Ань.

Однако закончить не успел, перебитый Тан Фанем. Взглянув на одного из приведенных Вань Туном императорских стражников, он спросил:

— Си Бо, ты же вроде сегодня не дежуришь, так почему ты здесь?

Он был безоружным гражданским чиновником, однако его острый, как клинок, взгляд заставил Си Бо попятиться.

— Этот подчиненный... Подчиненный... – наконец смущенно отреагировал тот.

Не дав ему оправдаться, Тан Фань перевел взгляд на другого и, слегка прищурившись, позвал его:

— Ся Жуй.

— Этот подчиненный сегодня дежурит! – невольно выпалил Ся Жуй.

— А я и не говорил, что не дежуришь! – усмехнулся Тан Фань. – Ты же из Южного Двора? С каких это пор Южный Двор начал вмешиваться в защиту Запретного города?

Ся Жуй потерял дар речи.

Прежде чем войти в Кабинет, Тан Фань много раз бывал в главном штабе Императорской Стражи и запомнил его служащих, так что теперь без проблем назвал нескольких по именам и спросил, как они здесь оказались.

Суй Чжоу обладал высоким статусом в Императорской Страже. Если бы не Вань Тун, он бы сейчас был настоящим командующим. И все знали, что Тан Фань с Суй Чжоу – хорошие друзья. Подвергнувшись допросу Тан Фаня, они вспомнили о методах Суй Чжоу и несколько оробели.

Вань Тун до смерти разозлился. Он был командующим Императорской Стражи! Так почему из-за Тан Фаня все теперь выглядело так, словно слово его имеет куда меньший вес, чем слово какого-то главы Двора?

Судя по реакции Императорской Стражи, лицо его было безвозвратно утеряно!

Из-за вмешательства Тан Фаня напряженная давящая атмосфера начала сходить на нет, так что Вань Тун не мог позволить ему продолжать в том же духе.

Он тотчас сделал шаг вперед и с усмешкой уставился на Тан Фаня, пытаясь запугать его своей высокой фигурой и длинной саблей.

— Старейшина Тан несет какую-то чушь! Мы здесь для того, чтобы дела важные обсуждать, а не для того, чтобы ты с Императорской Стражей предавался воспоминаниям о былых деньках! Его Величество велел вам ознакомиться с содержимым этого письма, так что, старейшина Тан, будь так добр, задумайся о том, чего желает Его Величество!

С этими словам он протянул руку и схватил Тан Фаня за плечо.

Вань Тун не собирался применять силу. Он не был глупцом и знал, какие последствия может повлечь за собой причинение вреда члену Кабинета Министров. Однако обстоятельства сложились таким образом, что, дабы не лишиться преимущества, необходимо было действовать быстро и заставить членов Кабинета подписать прошение, а иначе все их усилия оказались бы напрасными.

Реакция Тан Фаня последовала без замедлений. Он сделал шаг назад, а когда его оппонент протянул руку, схватил лежащее на столе письмо.

— Вань Тун, хватит ли тебе наглости повторить эти слова в присутствии Его Величества?! Его Величество поручил тебе доставить письмо, а ты привел с собой огромный отряд Императорской Стражи и угрожал Кабинету Министров! Хотел бы я посмотреть, кто тебе столько смелости придал!

Голос его звучал резко, а взгляд был грозным. Привычная улыбка исчезла с лица, выражение которого источало лишь леденящее душу мужество.

— Да, Вань Тун! – крикнул Лю Цзянь. – Даже если Его Величество действительно велел тебе передать письмо, он ни за что бы не позволил привести с собой столько людей! Быстро пошли прочь!

Воспользовавшись тем, что никто не обращает на него внимания, Лю Цзи вдруг внезапно подскочил и схватил лежавшее перед Сюй Пу прошение, после чего с громким треском разорвал его на две части!

Взгляды всех присутствующих переместились с Тан Фаня и Вань Туна на разорванное пополам прошение в его руках.

— Хлопковый Лю, ты что, умереть захотел?! – вскричал Вань Ань, в гневе обратившись к тому по прозвищу.

— Я же не письмо Его Величества порвал, а обычное прошение, – как ни в чем не бывало отвечал Лю Цзи. – Рука дрогнула. Боюсь, Юаньвэну придется составить еще одно.

С этими словами он засунул подписанную им бумагу себе в рукав.

Вань Ань аж дара речи лишился от такого бесстыдства!

Пару минут назад тот оставил на прощении свое имя, но стоило только Тан Фаню поднять шум, как он тотчас переметнулся на другую сторону!

И ладно бы просто пожалел о содеянном, так нет! Многоуважаемый старейшина просто взял и внаглую порвал прошение на глазах у всех!

Все остальные оказались поражены не меньше Вань Аня и продолжали молча смотреть на Лю Цзи, ничего не предпринимая.

Прозвище “Хлопковый Лю” тот получил не просто так. Человек, что продолжал преспокойно жить, многие годы подвергаясь постоянной критике со стороны цензоров, не мог быть заурядным чиновником.

Второго настолько толстокожего (в кит. 厚皮, “толстокожий” означает “бесстыдный”, а не грубый и нечуткий, как у нас) во всей Великой Мин было не сыскать.

Как только он разорвал прошение, Вань Ань понял, что возможность упущена.

Причина, по которой сначала удалось одурачить Лю Цзи, заключалась в том, что, во-первых, Вань Ань сделал неожиданный и решительный первый ход, и, во-вторых, Императорская Стража оказала на министров сильное давление. Другой раз такой трюк было не провернуть, так что на второй шанс рассчитывать не приходилось – все давно опомнились. Да и Лю Цзи вдобавок ко всему только что порвал их совместное прошение, желая скрыть факт своего участия в произошедшем.

Сюй Пу в присутствии Тан Фаня с Лю Цзянем тоже не стал бы уступать.

С таким трудом обеспеченные фракцией Ваней преимущества оказались безвозвратно утеряны.

Вань Ань помрачнел и сел в свое кресло, отказываясь хоть как-то комментировать произошедшее.

Настроение Вань Туна было не лучше. Он крепко сжал рукоять сабли, борясь с желанием броситься на Лю Цзи с Тан Фанем и погромать их на части.

Однако разум подсказывал ему, что поступать так не стоит, и потому, дабы сдержаться, ему пришлось приложить столько сил, что жировые складки на лице задрожали. Гневно фыркнув, он повернулся и зашагал прочь.

Вместе с командиром зал поспешили покинуть и его люди.

— Пойдите-ка! – окликнул их Тан Фань. – Командующий Вань ничего не забыл?

Вань Тун сдержал рвущуюся из груди злость. Услышав эти слова, он обернулся и сердито сплюнул:

— Что я забыл?!

За столько лет Двор пришел к единому мнению: пока жива благородная наложница Вань, жива и фракция Ваней. Вань Тун был оплотом фракции Ваней и младшим братом благородной наложницы Вань, так что до тех пор, пока тот не пытался сотворить никаких масштабных бедствий: не вступал в сговор против Великой Мин и не поднимал восстания, – император ничего ему не делал. Любой, кто бросал Вань Туна вызов, плохо кончал.

Именно поэтому те, кто не желали подчиняться фракции Ваней, старались держаться от нее подальше и не провоцировать ее членов без необходимости. Так было и сегодня: да, фракция Ваней в последний момент лишилась преимущества и проиграла, однако Вань Тун по-прежнему оставался все тем же высокомерным Вань Туном, против которого и слово молвить боялись.

Все были ужасно рады наконец избавиться от этого чумного бога и никак не ожидали, что Тан Фань вновь решит бросить ему вызов.

Сюй Пу забеспокоился и уже было открыл рот, желая высказаться вместо Тан Фаня и не дать тому нанести Вань Туна оскорбление, однако, когда заметил с каким мрачным лицом смотрит на Вань Туна Лю Цзянь, был вынужден проглотить все едва не слетевшие с языка слова и горько улыбнуться, мысленно обозвав себя слабаком. Неудивительно, почему фракция Ваней так старалась не дать Тан Фаню с Лю Цзянем попасть сегодня во дворец: если бы на Сюй Пу надавили, он бы подписал бумаги и, будучи не столь бесстыжим и скользким, как Лю Цзи, просто заживо похоронил бы себя в ближайшей яме.

Обдумав все это, он решил, что Тан Фань действует верно.

Если позволить так просто помыкать достойными старейшинами и не дать обидчику отпор, все решат, что министры Кабинета трусливые и слабые. Разве можно позволять таким людям стоять во главе чиновников всей страны?

Тан Фань поднял письмо и холодно произнес:

— Вторжение в павильон Вэньюань без разрешения карается ударами палкой. Не говоря уж о том, что ты ворвался в него с Императорской Стражей. Если позволить снова по Кабинету кому попало, что будет с заветом предков?! Что будет с законом Двора?!

Вань Тун впился в Тан Фаня убийственным взглядом.

Сомнений ни у кого не оставалось: будь его воля, он зарубил бы Тан Фаня саблей.

Лю Цзянь даже сделал шаг вперед, чтобы в случае чего остановить Вань Туна.

Однако тот не стал ничего предпринимать. Вань Тун обладал весьма отталкивающим внешним видом и добился своего нынешнего положения лишь благодаря сестре, однако ничего не смыслящим в придворных интригах глупцом не являлся.

— И чего же ты хочешь? – зло осклабился он.

— Ты пойдешь со мной к Его Величеству – расскажем ему, как было дело. Или принеси

извинения всем здесь присутствующим старейшинам. Выбирать тебе, – спокойно отвечал Тан Фань.

— Старейшина Тан, Вы решили бросить мне вызов, не так ли? – Вань Тун говорил медленно, делая паузу после каждого слова.

— А у меня есть причина бросать тебе вызов? – покачал головой Тан Фань. – Я лишь исполняю свой долг и защищаю достоинство Двора и Кабинета Министров. Если о произошедшем сегодня поползут слухи, найдутся желающие последовать твоему примеру. Так, командующий Вань признает свою вину?

Вань Тун молчал, не в силах возразить: каждое слово Тан Фаня попало прямо в цель.

Фракция Ваней давно все это спланировала: сначала поднять волну беспокойств, воспользовавшись небесными знамениями, а затем попросить Цзи Сяо с Ли Цзышэном намекнуть императору на необходимость смены наследного принца, после чего Вань Тун должен был предложить Кабинету Министров начать действовать, дабы предотвратить массовые негодования, вызванные свержением наследного принца и позволить императору принять соответствующее решение. Вань Тун уже давно договорился обо всем с Вань Анем и иже с ним. Заручившись поддержкой императора, он должен был передать Кабинету письмо, а, чтобы запугать не входящих во фракцию Ваней министров и заставить их принять сторону Ваней, даже привел с собой отряд Императорской Стражи.

Тан Фань ухватился именно за этот просчет и спуску давать не собирался. Если они отправятся к императору, Вань Тун окажется виноватым.

В зале для совещаний воцарилась тишина. Взгляды всех присутствующих были устремлены на них двоих. Особенно на Вань Туна.

Тот дырявил Тан Фаня взглядом, не возымевшим, казалось, никакого эффекта: Тан Фань не отступил ни на шаг, нисколько не испугавшись. Вань Тун словно хлопок бил – настолько бессильным тот заставлял его себя чувствовать.

После продолжительного замешательства он выдал из себя:

— Этот скромный чиновник признает свою ошибку! Господа старейшины, прошу прощения!

Прощение Вань Тун просил с той же интонацией, с какой обычно требуют вернуть долг, но одно то, что его заставили склонить голову, было уже чем-то из ряда вон.

На долю секунды всех присутствующих обьяло едва уловимое чувство.

Но по отношению не к Вань Туну, а к Тан Фаню.

По старшинству среди министров Тан Фань занимал самое низкое положение, однако в критический момент именно он нашел в себе силы отстоять достоинство Кабинета Министров.

Сказав так, Вань Тун удалился, но прежде, чем уйти, бросил свирепый взгляд на Тан Фаня. И то, с каким гневом он это сделал, могло потрясти до глубины души кого угодно.

На этот раз Тан Фань не стал его останавливать, позволив Императорской Страже покинуть Кабинет, а затем вместе с Лю Цзянем извинился за сегодняшнее опоздание.

Мысли всех были всецело заняты произошедшим, и дела до того, что Тан Фань с Лю Цзянем опоздали, никому не было.

Вань Ань, должно быть, всем сердцем возненавидел эту парочку за то, что те разрушили планы фракции Ваней, но что уж теперь было поделать? Время ушло, а возможность оказалась упущена безвозвратно.

Так, сегодняшний революционный порыв, должный наделать много шума, был подавлен. К тому моменту, как о произошедшем сегодня утром в Кабинете Министров узнали остальные придворные, буря уже улеглась.

Многие чувствовали, что на этом дело не кончится, и не могли не тревожиться. Во Дворе только об этом и говорили – в воздухе повисло напряжение, как перед дождем в горах.

Старейшина Тан, оказавшийся в самом центре этого водоворота, вернувшись из дворца, отправился в дом своей сестры, чтобы увидеться со своим маленьким племянником, проверить его домашнее задание, и остался в доме Тан на ужин. С Тан Юй, ее сыном и А Дун он распрощался только, когда за ним зашел возвращавшийся с дежурства Суй Чжоу.

Засыпанный двусмысленными ухмылочками сестры с А Дун, Тан Фань был вынужден выслушать их подколы. Тан Юй с А Дун пока не знали о том, что произошло сегодня утром в Кабинете Министров, и о том, как обстояли теперь дела. Если бы знали, не дали бы Суй Чжоу так просто забрать Тан Фаня.

Тан Фань не хотел, чтобы его родственники волновались о нем. По сути, он бросил фракции Ваней вызов. Утром он выглядел величественно и даже заставил Вань Туна склонить перед ним голову, но тем самым вызвал гнев Ваней. А они определенно все так не оставят.

Приближалась жестокая битва.

После того как Вань Тун покинул Кабинет, заседание министров больше не могло продолжаться, и Тан Фань с Лю Цзянем и другими отправили императору жалобу на Вань Туна.

Вань Тун действовал ненадлежащим образом: мало того, что хотел свергнуть наследного принца, так еще и ворвался в павильон Вэньюань в сопровождении Императорской Стражи и поднял шум. Император не смог его оправдать, а потому был вынужден утешить своих министров и сделать Вань Туна выговор. О письмах его все позабыли.

После произошедшего Суй Чжоу в стороне не остался.

Императорская Стража пока была не целиком в его руках. Значительная часть ее оставалась по-прежнему верна Вань Туно. По сути, Суй Чжоу с Вань Туном поделили влияние над Императорской Стражей пополам. С небольшим перевесом в пользу Суй Чжоу.

Однако Суй Чжоу Императорская Стража не принадлежала, поскольку Вань Тун был настоящим командующим и мог в любой момент мобилизовать людей, как сегодня утром.

Воспользовавшись тем, что император сделал Вань Туну выговор, Суй Чжоу реорганизовал Императорскую Стражу. Вот почему, представ сейчас перед Тан Фанем, он выглядел слегка изможденным.

— Ты еще не ел? – Тан Фань естественным движением взял из его рук фонарь.

— Я не голоден, – покачал головой Суй Чжоу.

— Ты все равно должен поесть, даже если не голоден. Я давно не был в закусочной с вонтонами на севере города. Пойдем! Тоже съем чашечку!

— Ты что, еще не наелся?

Он раскусил Тан Фаня, однако тот нисколько не покраснел. Даже сердце в груди чаще не забилося.

— Я поужинал очень неплотно. Правда. Я могу съесть еще и блинчик с зеленым луком.

— ...

Закусочная с вонтонами на севере города стояла на своем месте, как и прежде. Наступил вечер, и посетителей уже было мало. Тан Фань некоторое время не заходил сюда, однако хозяин узнал его с первого взгляда и радушно пригласил присесть:

— Господин, что-то давненько Ваш безбородый друг не заглядывал?

— Ты еще помнишь его? – с улыбкой спросил Тан Фань.

— Конечно помню! – улыбнулся в ответ хозяин закусочной. – В прошлый раз он подрался здесь с людьми из Восточной Ограды. Он был так великолепен – такое не забудешь! Восточная Ограда всегда была слишком заносчивой – смотреть тот бой было одно удовольствие!

— В Восточной Ограде сменился командующий, так что теперь они ведут себя сдержанно и нос не задирают.

— Правда? – удивился хозяин. – То-то я смотрю, давно их не видно! – он хлопнул себя по лбу. – Совсем из головы вылетело. Начну болтать – не остановишь. Чего бы вы, господа, хотели? Ваш покорный слуга все сделает!

— Две чашки с вонтонами, блинчик с луком...

— Одну чашку, – подал голос Суй Чжоу.

— ...Тогда полторы чашки.

— Одну чашку.

Хозяин закусочной: "..."

— Одну, так одну, – наконец сдался Тан Фань. – Сделай, как он говорит. Но я хочу два блинчика с луком.

— Прошу прощения, господин, – виновато улыбнулся хозяин закусочной. – Блинчики с луком закончились.

— ...

Заметив, как Тан Фань поник, Суй Чжоу улыбнулся одними глазами и легонько похлопал его по руке:

— Не стоит переедать в ужин. Я поделюсь с тобой одним вонтоном.

— Двумя, – продолжал изо всех сил торговаться старейшина Тан.

Суй Чжоу его проигнорировал.

Хозяин закусочной принес им две чашки чая:

— Господа, пейте. Вонтоны уже варятся, скоро будут!

Чай этот был очень посредственным. Ни в какое сравнение с тем, что они обычно пили, но Суй Чжоу было все равно, а потому он сделал глоток сразу, как чашка оказалась у него в руках. Он частенько ездил в другие провинции по делам и жил в суровых условиях, так что посредственный чай был для него не проблемой.

— Хуай Энъ, кажется, собирается в Нанкин, – произнес Суй Чжоу.

— Что случилось? – слова эти застали Тан Фаня врасплох. Рука с чаем замерла.

— Он призвал Его Величество не обращать внимания на небесные знамения и заступился за наследного принца. Его Величество разгневался и назначил его ответственным за благовония в гробнице Мин Сяолин.

Ответственный за благовония на самом деле был одним из стражей гробниц. В его обязанности входило каждый день возжигать благовония у поминальных табличек.

Между должностью великого евнуха-руководителя церемоний и сторожем гробницы в Нанкине разница была как между небом и землей.

А самое главное, все знали: Хуай Энъ – главный защитник наследного принца. Событие это, несомненно, нанесло тяжелый удар по фракции наследного принца.

Кто еще после произошедшего с Хуай Энем осмелится выступить в защиту наследного принца?

— А Ван Чжи? С ним все хорошо? – нахмурился Тан Фань.

— Пока да, – кивнул Суй Чжоу. – Но ситуация сложная. Ты должен быть осторожнее.

— Я знаю, – кивнул Тан Фань. – Ты тоже.

Пока они говорили, принесли горячие вонтоны, и выражение лица Тан Фаня тотчас сменилось с глубоко серьезного на настолько голодное, что аж слюнки потекли. Он с горящими глазами нетерпеливо глядел на то, как Суй Чжоу зачерпывает бульон, и игнорировать его больше не вышло бы.

Суй Чжоу пришлось поднести ложку с вонтоном к его рту.

— Убери, я сам поем, – возмутился господин Тан.

Суй Чжоу развернул ложку и поднес ее к своему рту.

И Тан Фань, больше не переживая, что их кто-то может увидеть, схватил его за запястье, повернул ложку и наконец отправил многострадальный вонтон в рот.

Вкус сяньвэй (умами, пятый вкус, помимо кислого, сладкого, соленого и горького) куриного бульона с вонтонами разлился по его рту, и господин Тан, довольный, вновь заискивающе попросил Суй Чжоу:

— Дашь мне еще один?

Тот, даже не потрудившись обратить на него внимание, опустил голову и принялся за еду.

В отличие от беззаботного Тан Фаня, император пребывал в прескверном расположении духа.

Стоило ему только заснуть, как кошмар заставил его пробудиться.

Сон настолько потряс его, что хрупкий император, не обращая внимания на холод, покинул свою императорскую опочивальню с теплой подогреваемой кроватью, спустился по белым нефритовым ступеням и бесцельно побрел по длинной дворцовой дорожке.

Высокие дворцы казались затаившимися в ночи извивающимися чудовищами.

На то, чтобы осветить весь Запретный город, потребовалось бы слишком много средств. В целях экономии дворцовые жители должны были сократить количество свечей, и крохотные редкие огоньки придавали царившей атмосфере еще больше загадочности.

Хуай Эня не было, и уговорить его вернуться было некому. Несколько молодых евнухов, боясь остановить императора, следовали за ним, а один, с многозначительным взглядом отделившись от остальных, поспешил сообщить обо всем благородной наложнице.

Поведение императора было довольно необычным, но с тех пор, как он начал верить в достижение бессмертия и алхимию, подобное стало происходить регулярно.

— Ваше Величество... – видя, что тот уходит все дальше, молодой евнух задрожал. Он было подал голос, чтобы попытаться уговорить императора вернуться, но тот, обернувшись, не дал ему закончить.

Взгляд его был необычайно суров – не такой, как у больных людей.

— Тихо! – велел император. – Нам показалось, что кто-то нас зовет...

Как мог кто-то звать императора по его запретному имени? Да еще и посреди ночи?

Молодой евнух не на шутку испугался и больше даже пискнуть не смел.

Император пошел дальше, свернул за один угол, другой, обошел округу, и спустя какое-то время евнух и правда услышал впереди чей-то шепот.

Он невольно замедлился и задержал дыхание. Но стоило ему расслышать слова, как он изменился в лице.

Послесловие автора:

Командир Суй все время, каждую секундочку демонстрирует свою любовь на публике...

Мини-театр:

Вань Ань: Хлопковый Лю, у тебя ни стыда ни совести! Как можно быть таким?! Сначала подписал, а затем порвал бумагу у всех на глазах – как так можно?!

Лю Цзи: Разве меня не Хлопковым Лю прозвали? Не зря же мне дали такую кличку! Разве найдется хоть один человек с кожей толще, чем у меня?

Тан Фань: Я ради еды готов поступиться гордостью и назвать Суй Чжоу мужем. Если такой крутой, может, попробуешь как-нибудь назвать Вань Аня мужем?

Лю Цзи: ...

Примечания переводчика:

Ну что я могу сказать? Дальше снова будет один негатив...

На моменте с подшучиваниями и хихиканьями сестер мне стало плохо. До чего токсичная семейка... На работе мозг **ут, в кругу семьи мозг **ут, дома просто **ут.

И эти демонстрации любви от СЧ довели. Арбузер несчастный. Поест бедному ТФ не дает. З-забота. Навязчивая и непрошенная.

Тан Фань взрослый уважаемый человек, он сам может решить, сколько чашек вонтонов в него влезет. СЧ не имеет никакого права его ограничивать. Как представляю, что у меня кто-то посреди ночи печенье отбирает, мол, вредно, у меня аж кровь в жилах стынет.

А СЧ, если дает из своей тарелки, то обязательно шоб весь город видел, как он старейшину Тана с ложечки кормит. Ах, гордый? Не хочешь с ложечки? Тогда вообще не дам. Фу, дрессировщик недоделанный...

Мини-театр тоже “порадовал”. И правда, создается ощущение, что ТФ просто за жрачку продался. Но только как-то неудачно. СЧ готовит два раза в месяц, зато постоянно ограничивает в еде...

До чего же неприятная парочка в новелле(

<http://tl.rulate.ru/book/50212/3389690>